

Маруська

Июльскими ночами, когда небо особенно ясно и чисто, полная луна светит, как никогда. Она разливает свет, словно молоко, одним потоком, вокруг которого мерцает бледно-голубое, иногда зеленоватое сияние.

Я как-то нечаянно пролила молоко из ведра после утренней дойки и долго потом наблюдала, как оно белым плотным ручьём стремительно стекало по половице в желоб пола в сарае. Было в этой картине что-то магическое, чарующее. За пролитое молоко мне влетело от матери. Но впечатление от увиденного нисколько не стёрлось из памяти. Наоборот, оно подкрепилось новой картиной, когда я впервые увидела полную луну, сияющую над заливными лугами. Луна сияла, а столб её света лежал на спокойной в ту ночь поверхности нашей речки. Я сидела на берегу, любовалась красотой лунной ночи и ощущала, как к спине прижималась ледяная спина моей странной подружки. Всклоченные обледенелые волосы на её голове щекотали мою шею, холодили плечи. Странная подружка грелась подле меня...

Эта необычная история произошла со мной в детстве – мне было тогда лет восемь. Лето в тот год выдалось невероятно жаркое. В знойном струящемся воздухе плавилась саманные домики нашей деревни. На корню высыхала трава в степи.

Моя деревня, подобно заставе, стоит на стыке заливных лугов в пойме Иртыша, берёзовых рощ и речных ивняков. Есть ещё и степь, которая стелется волнами на многие километры. Я часто сбегала из дома побродить по лугам. Срывала бело-розовые пушистые соцветия подорожника и бордовые кровохлёбки. Разотру их в ладошках и вдыхаю аромат. Я могла весь день неустанно топтать вдоль речки – разглядывать кусты и деревья, что редкими островками росли вдоль берега. Утомившись, залезала на иву, чтобы спрятаться от жары, усаживалась на удобную ветку и смотрела на реку – наблюдала, как играют мальки или как на другом берегу прихорашивается после купания речная крыса.

В сущности, все свои печали и радости я несла к речке. Чаше печали и обиды. А в то лето основной моей печалью стали волосы. Они отросли у меня до колен. Мать постоянно ворчала, сколько времени ей приходится тратить, заплетая мне косу. Каждую неделю грозила отрезать, если бы не моя бабушка – та запрещала меня стричь!

– Как же ты её без косы оставишь: без косы девке – срам! – говорила она.

Мама отмахивалась, отвечала, что прошли те времена, когда девушки обязательно ходили с косами, повязывая на голове цветастый платок, надевали сарафаны и замуж шли девками. Бабушка тоже взмахивала руками и причитала:

– Беззаконные времена! Девки волосы коротко стригут, ходят в брюках и курят, как мужики. Да где это видано, чтобы девушка замуж шла порченная? Это ж стыд какой! Позор! Я тебя разве так воспитывала?! Вот раньше, бывало, по моей молодости, выйдешь на улицу вечером после работы в поле. Мы-то уже в сарафанах не ходили, но платочек на плечи накинуть, кофточку кружевную с длинными рукавами и юбку-колокол надеть – красота! Парни зазывали девушек на прогулку. Гармони на всю деревню слышать, а песни какие пели!.. Сердце щемило, душа радовалась. И никаких там вольностей! Я с твоим отцом первый раз поцеловалась на нашей свадьбе!

– Так и сейчас вечером и музыка играет, и песни на всю деревню слышать, – с улыбкой отвечала мама.

– Песни? Да какие ж это песни! Срам один, а не песни. И что ты называешь музыкой, а? Это ж... Как их, запомятовала, ну, эти – магнитахоны! Ни уму, ни сердцу! Мальчишки таскают на плечах коробки... Обленились совсем – на гармошке научиться играть не хотят. Тьфу, стыдоба!

У каждого были свои печали. Бабушка горевала о своей молодости, переживала за мою маму, что живёт разведёнкой с маленькой дочкой. Мама, в свою очередь, печалилась из-за одиночества, а я о том, как бы лучше пригладить свои лохмы. Коса-то долгая, да волосы у меня были какие-то совсем непокорные – густые и тонкие. Как бы туго мама ни заплетала, всё равно выбивались целыми прядками, отдельными волосками лезли в глаза и рот. Мама утром заплетёт, а днём бегу к бабушке переплетать. А у бабушки любимое слово: стыдоба! Встретит меня и заворчит:

– Опять ты, моя стыдоба-лохматушка, пришла!

Переплетает мне косу и приговаривает:

– Ах ты, внуча-лохматуча!

Я, когда слышала, что я внуча-лохматуча, очень обижалась. И вот как-то прибежала на речку, села на высокий пригорок у воды и носом захлюпала:

– И ничего я не лохматая туча! Тучи вон чёрные, а я светленькая вся, и глаза у меня голубые!

Погоревала я так на берегу, а у самой волосы опять из косы выбились. Недолго думая, подобралась к реке – там как раз крупные камни лежали, чтобы из воды, не замарав ноги, выйти. Присела на корточки, намочила ладони и давай приглаживать волосы на висках да на затылке.

Неожиданно с берега повеяло в спину холодом. Я даже подскочила. Начало июля, солнце печёт так, что на крыше дома яичницу жарить можно, а тут с берега ледяной холод дует! Мне стало жутковато. Издалека, с пляжа, слышались весёлые крики и смех подростков, а на моём бережку, кроме меня, никого не было.

Кручу головой, смотрю то направо, то налево, пытаюсь понять, откуда холодом повеяло. Неожиданно к ногам с высокого пригорка скатился камушек. Будто кто подбросил. А кто? Никого ведь нет! Я его подняла и смотрю: он буро-зелёный, круглый такой, слегка приплюснутый, ну точь-в-точь как репка, только на одной стороне вмятина, похожая на кошачий след. Чем-то он мне приглянулся, и я положила его в карман платья.

Постояла на берегу ещё немного, гадая, что за странность – холод в июле, и побежала домой. А дома камушек выложила на подоконник в своей комнате. Чего только не было на моём подоконнике: речная ракушка, маленькая вазочка с букетиком полевых цветов, разноцветные бусинки на ниточке, кисточка рябиновых ягод и несколько забавных коряжек-сучков, найденных в деревенском парке и так похожих на фигурки сказочных существ. Мне почему-то все сучки виделись лешими.

У окна стоял письменный стол. Я специально попросила деда поставить стол именно так. Мне нравилось сидеть за ним, листать книжки с картинками, поглядывая на свои сокровища, а заодно и на яблоню в углу огорода, и на плывущие по небу облака. А когда приключались ясные ночи, особенно в полнолуние, лунное сияние плотным потоком лилось в окно и освещало мою комнату.

До полнолуния оставалось несколько дней. Я, как обычно, в тот день легла спать и заснула крепко. В нашем с мамой хозяйстве имелась тогда корова, куры и обширный огород. За день набегаешься, натрудишься. Спишь крепко. А той ночью я проснулась, как

будто кто в плечо толкнул. Открыла глаза, смотрю, вся комната залита лунным светом, и так светло, что каждый предмет ясно виден, каждая линия. Ещё вижу, что на моём столе кто-то сидит, похожий на кошку. Сначала подумала, что это наша Тишаня, однако та обычно ночует в сарае, где ловит мышей, да и ростом она маленькая. А на столе сидела, повернув голову к окну, незнакомая полосатая кошка. Мне она показалась преогромной, чуть ли не с барана. Длиннющие усы на большой голове топорщились в разные стороны.

Я откинула одеяло и осторожно подошла ближе. Теперь я не сомневалась, что это кошка, правда, какая-то необычная. Особенно меня поразили её глаза, выпуклые, большие, прямо как кофейные блюдца. Она смотрела на нарастающую луну и иногда жмурилась, словно от удовольствия, и урчала по-кошачьи, только очень уж громко. И откуда только взялась?

– Киса, киса... Ты чья будешь? – неуверенно прошептала я.

– Мра-а-а, мра-а-а, мра-у, – раскатисто урчала огромная кошка, будто отзываясь на мой вопрос.

Я положила руку на её большую голову, которая оказалась к тому же ещё и холодной, как лёд, и сказала:

– Мара... Маруська! Я буду звать тебя, киса, Маруської!

Она внимательно посмотрела на меня своими глазами-блюдцами. Её вертикальные, чёрные зрачки неожиданно расширились, отчего оба кошачьих ока стали словно бездонными. Она мигнула, опять повернула голову к окну и снова довольно заурчала, уставившись на диск луны, с одной стороны слегка подмытый.

С того дня, вернее ночи, в нашем доме стали твориться разные странности. И первой странностью было вот что: проснувшись, я, к своему удивлению, заметила, что мои вечно растрёпанные волосы оказались тщательно расчёсаны, приглажены и уложены, прядка к прядке, волосок к волоску, в тугую косу, и коса моя потом весь день не расплеталась, а волоски не выбивались. Вторая странность ждала меня в сарае, когда я пришла доить утром корову: наша Зорька стояла чистая и ухоженная, словно и не лежала она, как обычно, полночи на боку в своих густых лепёхах. А третья странность – всё молоко и сливки в холодильнике разом скисли.

Я так обрадовалась своим приглаженным волосам, что не придавала особого значения странностям. Как здорово, когда Зорька стоит, готовая к утренней дойке! Не надо тащить ведро воды с огорода, чтобы мыть её испачканное вымя, насухо вытирать и только потом доить. Мне ведь приходилось вставать на полчаса раньше, чтобы всё успеть к выгону коровы на пастбище.

Подумаешь, молоко скисло. В такую жару и не мудрено. Мама, конечно, очень огорчится! Ну, подумаешь, сделает мне выговор за то, что я холодильник плохо закрыла или вовремя не убрала банку с молоком со стола.

В то утро я не легла «досыпать», как это бывало обычно, когда переделывала утренние дела по хозяйству. Села за стол, развернула любимую иллюстрированную книжку со сказами Бажова и ждала, когда мама придёт с ночной смены – она у меня в больнице работала. Смотрела в книжку и поглядывала на свои сокровища на подоконнике. Там лежал и камушек, принесённый с речки. Я взяла его в ладони и удивилась: он оказался необыкновенно холодным, будто его только-только из холодильника выложили.

День пролетел, но был он особенным, как и последующие несколько дней. Мама, узнав про скисшее молоко, только покачала головой, но, сильно уставшая, ничего не

сказала и даже не обратила внимания на мои ухоженные и приглаженные волосы. Мне почему-то всё по хозяйству удавалось. За что бы я ни бралась, словно кто за спиной помогал, вещи в доме лежали на своих местах, моя постель аккуратно застелена, половики в прихожей основательно выбиты и вычищены. Огород надо полить – бочка полна водой до краёв. Дроблёнку для коровы надо запарить – чайник уже кипит, а в ведро засыпана мера сухого корма.

Мама после смены поспала и пошла в магазин, а оттуда родителей заглянула попроведать. Вернулась, а дома полный порядок и всё сделано. Она порадовалась и меня похвалила: молодец дочка! И гулять до прихода коровы отпустила. Но мне в такую жару не особо гулять хотелось, да и вообще никуда из дома не тянуло, даже к бабушке с дедушкой. А подружки-одноклассницы разъехались, кто в летний лагерь, а кто в город к родственникам. Я словно бы ждала чего-то или кого-то.

Вечер настал, я надела ночную рубашку – и в кровать. Лежу и смотрю на окно, на открытую форточку: вдруг моя Маруся в гости придёт. Глядела-глядела и задремала незаметно. Проснулась, как от толчка, а Маруся уже сидит на столе, смотрит в окно на почти круглую луну, урчит и жмурится от удовольствия. Я тут же спрыгнула с постели, забралась к ней на стол, прижалась к её холодному боку, на ушко спрашиваю:

– Марусенька, это ты мне по хозяйству сегодня помогала?

– Мра-а, мра-а, мра-у... – проурчала кошка, словно отвечала согласием. Я гладила её по голове, чесала за ушами, трогала лапы, жуть какие ледяные.

* * *

День проходит, второй – я всё дома, правда иногда на речку бегаю поплескаться. А ночью мы с Маруськой сидели на письменном столе и смотрели на луну, а ещё нам нравилось вместе гулять по деревенскому парку. Мне даже мерещилось, что Маруся из огромной кошки превращалась в маленькую девочку, как я, только с глазами-блюдцами и лохматой головой. Гляну на неё – рядом шагает большая кошка и метёт длиннющим хвостом, ещё раз гляну – тихо вышагивает, словно крадётся, тощая девочка с длинными руками и крючковатыми пальцами.

Луна ярко светит, но на узких аллеях парка темно, а мне почему-то всё видно и совсем не страшно. Маруся отбежит в кусты, пошуршит листвой и ко мне вернётся – сунет в руку интересную коряжку, сучок или камушек. Один раз из сухой травы сплела мне куколку. Я её дарами весь свой подоконник завалила.

На третий или четвёртый день мама велела мне сходить к бабушке с дедушкой.

– То тебя домой от них не дозовёшься, а тут забыла совсем. Сегодня навести их обязательно! – велела она и ушла на смену.

Я подумала: и то правда, что-то меня к ним совсем не тянет, а надо сходить, про новую подружку рассказать. Мама-то мне не верила, когда я про ночную гостью попыталась завести с ней разговор. Она считала, что это всё мои фантазии или сны. Когда все дела по хозяйству я передела, отправилась к старикам. Только зашла в дом, бабушка, ещё не видя меня, радостно сказала:

– Наконец-то внуца-лохматуча пришла нас попроведать. Совсем стариков своих забыла, а мы соскучились!

А я гордо руки в боки и отвечаю:

– Я больше не лохматуча! Вот!

– Надо же, как тебя хорошо мама заплела, я так-то и не умею косу плести, – удивлённо проговорила бабушка, внимательно посмотрев на меня, и стала быстро собирать на стол всё к чаепитию.

В это время как раз и дедушка вернулся из гаража, где он много времени проводил за починкой старенького мотоцикла. Он сел за стол, усадил меня на колени и погладил по голове.

– А это не мама, – возразила я, прижимаясь к дедушке.

Бабушка расставила чашки для чая, пузатый чайничек и большую плоскую тарелку со своими знаменитыми на всю деревню пирогами-лаптями. Дед подтянул тарелку поближе, разломил тёплый ещё пирог на две половины и одну сунул мне в руки. Пирог оказался с капустой и мясом.

– А кто? Неужто сама научилась? – спросила бабушка, разливая чай и размешивая сахар. Она всегда сахар клала в чашку с чаем по своему усмотрению. Деду насыпалось три ложечки, а мне две.

– Не-е-е, это Маруся меня заплетает! – ответила я, уминая с аппетитом пирог.

– Что за Маруся, кто такая? – последовали вопросы.

Я и рассказала о новой своей подружке, ничего не тая. И о том, что она огромная кошка, но иногда становится маленькой девочкой. И о том, что мы гуляем с ней по ночам и смотрим на луну, а луна такая красивая и уже совсем-совсем круглая. Пока увлечённо болтала о Маруське, не сразу заметила, как напрягся дед, а любящая поговорить бабушка умолкла.

– А когда с Марусей познакомилась? – неожиданно серьёзно спросил дед.

– Да на этой неделе, – ответила я, потому что, в какой именно день первый раз увидела необычную кошку, уже не помнила.

Когда пирог был съеден, а чай выпит, меня отправили в большую комнату, где стояли шкафы с дедушкиной библиотекой. Я удобно расположилась в большом кресле, забравшись в него с ногами, и развернула одну из своих любимых книжек с красочными картинками. А дедушка с бабушкой остались на кухне и тихонько переговаривались. Этот разговор я нечаянно подслушала.

– Слышишь, мать?! На этой неделе, а ведь скоро купальская ночь! – глухо проговорил дед и глубоко вздохнул.

– Опять ты, старый, за своё! Да не верю я в твои сказки про домовых и леших, нету их, нету! Сохрани, Господи! – шикнула бабушка на деда так, что я несколько не усомнилась в том, во что она действительно верит.

Потом я услышала, как дед потёр столешницу рукой и попросил налить ещё чаю.

– А помнишь, когда мы с тобой в эту деревню приехали жить, в самый день переезда здесь были похороны? – спросил он.

– Что ты, нашёл о чём спросить-то! Это ж когда было, почитай лет пятьдесят тому назад. Но похороны помню. Да, твоя мать тогда сказала, что это плохая примета – на похороны переезжать-то, к несчастью! – ответила бабушка и перекрестилась, громко помяная святых угодников.

– А ты помнишь, кого хоронили? Нет?! А я помню. Девочку хоронили, да. Говорили, несчастный случай на речке. Вся семья её потом уехала в другую деревню жить: вроде как она им мерещилась после похорон-то, – вспомнил дед.

– Замолчи, старый! Беду накликаешь! Ну, утопла и утопла, всякое бывает. Мы-то тут при чём?! – громко зашикала на него моя бабушка.

– А вдруг эта Маруська и есть та девочка? – предположил дед. – Надо с дочерью поговорить!

– Замолчи, замолчи, окаянный, чтоб тебя! Беду накликаешь, как есть накликаешь! Спаси, Господи! – неожиданно запричитала бабуля, и мне от её слов стало как-то не по себе.

Я ещё какое-то время посидела в кресле, а потом потихоньку улизнула домой. Весь день до ночи думала, как такое может быть, что моя Маруська была утопшей когда-то девочкой. Думала о ней, и было мне её жалко-жалко. А вечером к нам с мамой дед в гости нагрнулся. Походил по дому, по двору, внимательно всё осмотрел, в сарай заглянул. Камушек мой с речки, что лежал на подоконнике, зачем-то в руках повертел и головой покачал. Мама ему сразу пожаловалась на холодильник, что плохо холодит: уже который день скисают молоко и сливки. А дед пошептался с ней о чём-то, словно наказ давал, и ушёл.

Что он ей сказал тогда, до сих пор не знаю, только в тот вечер мать закрылась на все замки в доме, все форточки заперла, несмотря на духоту, и кошку нашу Тишаню из сарая в дом привела. Кошка сразу запрыгнула на мою кровать и как-то подозрительно стала её обнюхивать.

Вроде ничего необычного в делах мамы не было, но мне стало очень беспокойно. Я места себе не находила и остаток вечера думала о том, как же форточку открыть для Маруски. То, что она придёт, я несколько не сомневалась.

* * *

Я проснулась от того, что кто-то постукивал в окно и царапал стекло когтями. В комнате было темно. Отбросив одеяло в сторону, я села и попыталась понять, что меня беспокоит. Где-то рядом сердито шипела Тишка.

Неожиданно небо прояснилось, и комнату заполнил яркий лунный свет. Теперь я смогла увидеть, что за окном маячит бледное лицо девочки с огромными глазами-блюдцами. Она осторожно стучала по стеклу и манила меня тонкой рукой с длинными ногтями.

– Маруська... – обрадовалась я.

Мне хотелось соскочить с кровати, но всё тело налилось странной тяжестью, как будто я была ещё во власти сна. Рядом, выгибая спину дугой, угрожающе шипела Тишаня. Я хотела её погладить и успокоить, но тут в окно снова торопливо застучали. Меня неудержимо тянуло на улицу, но какая-то сила держала моё расслабленное тело в кровати. Неожиданно Маруська подпрыгнула и как-то открыла внешнюю форточку – её бледное до синевы лицо приблизилось к окну вплотную, зрачки расширились, и глаза стали бездонными. Её рука снова поманила меня, и я вдруг поняла, что могу слезть с кровати. Наша кошка зашипела ещё громче, но я быстро подошла к столу и взобралась на него. Отодвинула все свои сокровища, открыла внутреннюю створку форточки. Мне удалось залезть в проём, протиснуться и свалиться в протянутые руки Маруски. Она ловко подхватила меня, босую, в ночной рубашке, и поставила на землю.

Я не успела ни испугаться падения из узкого проёма форточки, ни что-либо сказать – ледяная рука крепко обхватила мою, и странная подружка быстро повела меня за собой.

Вспоминаю ту ночь и понимаю, насколько всё было для меня тогда естественным и привычным, словно все мои сомнения и страхи в одночасье замерли. Как будто всё происходящее со мной балансировало на грани сна и действительности. По тёмным закоулкам деревни девочка вела меня в обход освещённых фонарями улиц и дворов с собаками, в обход парка, а я не только не сопротивлялась, но принимала это как интересное ночное приключение. На душе было как-то томительно и сладко. Пролетело столько лет с тех пор, но так и не могу подобрать слова, чтобы объяснить это странное тягучее, полусонное состояние.

Маруська вывела меня на заливные луга и направилась к речке. Я шла, как привязанная. А вокруг нас на высокой речной траве то тут, то там вспыхивали и блуждали огни. Они манили к себе, тянули невидимыми нитями, хотелось подойти к ним поближе, разглядеть и потрогать, но Маруська крепко держала меня за руку и иногда издавала протяжный угрожающий крик: «Мра-а-а-у!» И тогда огни словно бы отбегали от нас на расстояние, их зов становился слабее.

Наконец Маруська вывела меня на берег, тот самый высокий бережок, на котором я любила сидеть и жаловаться на свои печали. Здесь мне и камушек был подарен, и я только теперь поняла, от кого он ко мне прикатился.

Мы сели на пригорок спина к спине, и Маруська уставилась на небо, словно ожидая чего-то. Я тоже подняла голову и увидела, что по небу медленно ползло плотное облако, а за ним угадывалась луна. Ночная жизнь словно бы притаилась, но мне отчётливо слышались голоса. Будто где-то очень далеко пел женский хор, да так ладно лилась песня, что пробирала до глубины души, хотя слов я разобрать не могла. Песня была странной: то она звучала весело, а то чудилась в ней тоска, словно невеста зазывала своего жениха и не могла его дождаться.

Облако наконец отползло в сторону, и на заливные луга хлынул голубоватый свет полнолуния. Такой плотный и яркий, что я сравнила его с пролитым молоком. Луга неожиданно ожили, мне послышались смех и ауканье, а огоньки весело запрыгали по траве. Я посмотрела на Маруську и удивилась тому, как она переменилась. Торчащие в разные стороны обледенелые волосы оттаяли и уложились в две короткие косички, черты лица разгладились, а глаза стали совсем человеческими. На меня смотрела обычная девочка, только лицо у неё оставалось синевато-бледным, а взгляд необычайно тоскливым.

Вдруг Маруська резво подскочила, аукнула и громко рассмеялась, а потом повернулась ко мне, потянула за руку:

– Побегает!

Больше я о той ночи ничего не помню. Не знаю, как добралась домой и как пролезала через форточку в свою комнату, но проснулась я оттого, что мама нещадно трясла меня за плечо. Вид у неё был испуганный. Оказалось, я проспала и утреннюю дойку коровы, и её выгон. Только мама не стала ругать меня за это. Помню, сонная, я сидела на кровати и пыталась оправдаться, а она в это время снимала с меня ночную сорочку, испачканную в зелени, и обтирала влажным полотенцем мои запыхлённые ноги.

После завтрака мама быстро собралась в магазин и на этот раз взяла меня с собой. Первым делом мы зашли в гости к деду с бабушкой. Пока я весело прыгала и скакала во

дворе, мама рассказала о моём ночном отсутствии. Старики сильно всполошились, никогда в жизни я не видела их такими встревоженными, как в тот раз. Они тут же стали куда-то собираться: дед выкатил свой старенький мотоцикл с люлькой, а бабушка переделась в дорожное и приготовила сумку с едой и питьём. Моей матери дед строго-настрого наказал глаз с меня не спускать, а бабушка велела ужин приготовить, потому что едут они в дальнюю деревню и вернутся только поздно вечером.

Перед тем как сесть на мотоцикл, дедушка подошёл ко мне, осторожно погладил по голове, похвалил косу и как бы невзначай заметил:

– Никак опять твоя Маруська тебе косу заплела? Ишь как ладно у неё получается...

Я радостно закивала головой:

– Конечно, Маруська! Мы с ней сегодня всю ночь по лугам бегали и аукали...

От моих слов дед сразу в лице переменялся, побледнел, а бабка стала быстро-быстро креститься. С этим они и уехали, а мы с мамой остались хозяйничать. Только у мамы что-то всё из рук валилось и не ладилось. А тут ещё подруга её прибежала, попросила подменить её на работе на пару часов. Мама пообещала прийти. Потом-то она долго казнила себя за то, что так легкомысленно отнеслась к наказу деда.

Впрочем, она надумала меня запереть дома на ключ. Однако мне совсем не хотелось сидеть взаперти, и я просила не закрывать меня, а оставить так. Хотя бы во двор выйду: тут и огород – морковку сорвать, тут и на качельках покачаюсь. Пока мама раздумывала и собиралась, забежал Ванька, пятнадцатилетний соседский подросток: он обещал деду по хозяйству помочь. Узнав, что дед уехал, он уже хотел уйти, но мама его уговорила приглядеть за мной. Делать нечего, Ванька согласился, а я очень обрадовалась: знала, что уж он-то точно дома сидеть не будет.

Так и случилось. Как только мама ушла в больницу, Ванька закрыл дом и отправился в парк на футбольное поле в надежде найти там своих одноклассников, а меня с собой взял. Я пригорюнилась: немного веселья наблюдать, как мальчишки гоняют мяч в такую жару. Солнце уже поднялось высоко и жарило так, что и мошкара попряталась. К моей радости, одноклассники Ваньки к нашему приходу уже решили идти всей гурьбой на речку. Ну и мы с ними пошли.

Надо сказать, мне очень хотелось попасть на реку, пройтись по заливным лугам и посмотреть, какие они после ночи полнолуния: так же ли сияют цветы и прыгают цветные огоньки по травам. Мне, дурёхе восьмилетней, казалось, что на лугах и днём будет как ночью, с той разницей только, что вместо луны на небе светит солнце.

Чтобы дойти от нашей деревни до речки, нужно спуститься с горы. Хотя какая гора! Просто возвышенность, на которой и стоит деревня. А пойменные луга напоминают котловину для разлива Иртыша весной. Кроме речки, что синей лентой вьётся через всю пойму и впадает в большую реку, то там, то тут мелкие пруды, заросшие рогозом и не высыхающие круглый год. Но это всё далеко от деревни, потому как сама пойма длинная и на многие километры тянется вдоль Иртыша. А до нашей речки дойти можно за пять минут. Спустился с горы, перебежал небольшой луг – и вот она, извивается, как змея. Хоть и не особо широкая, а глубины в ней в два человеческих роста. Течение у неё медленное, дно илистое, ракушек и слизней тут в каждый разлив видимо-невидимо, столько, что ступить, не порезав ноги, невозможно. У нас в деревне этими ракушками гусей и уток подкармливают. А я на свой подоконник выложила несколько створок, высланных блестящим слоем перламутра. Мне их Маруська подарила.

Неудивительно, что речка – излюбленное место деревенской детворы. Взрослые тоже любили тут порыбачить и искупаться. Кто-то додумался привезти тонну песка и насыпать в самом широком месте реки – сделали пляж. Мой любимый высокий бережок не так уж далеко от пляжа. Мне думалось, что, когда придём с Ванькой на речку, я тихонько улизну и сбегаю посмотреть: вдруг Маруся где-нибудь поблизости.

Когда шли, ничего необычного из ночного приключения, я не увидела, разве что цветы мне казались особенно яркими и аромат от них дурманил, он словно плавился в горячих струях воздуха.

Мы быстро пересекли луговину, и речка приняла ватагу разгорячённых мальчишеских тел. На пляже загорало несколько взрослых пар. Я сняла платице и положила в сторонке, чтоб мальчишки не затоптали. Потом полезла в воду: уж очень хотелось окунуться и охладить тело. Вода показалась мне тёплой, как парное молоко. Коса тут же набрякла и стала тяжёлой. Плавать я не умела и потому плескалась почти у самого берега, забираясь на глубину не выше пояса, и барахталась, как утёнок, или просто стояла и водила по лёгкой ряби руками. Совсем рядом орали мальчишки: они затеяли свою любимую игру – догонялки под водой. Я отошла чуть подальше и поглубже. Вода доходила мне до груди, приятно струясь вдоль тела: на глубине она была прохладнее.

Неожиданно кто-то схватил меня за ногу и что есть силы дёрнул. До сих пор не знаю, кто из мальчишек это сделал то ли с умыслом поиграть и попугать, то ли, заигравшись, обознался и нечаянно схватил меня вместо приятеля. Я и руками взмахнуть не успела, как ушла с головой под воду и тут же нахлебалась её. Лёгкие заложило, перед глазами заплясали красные круги. Течение подхватило меня и потянуло на глубину, как вдруг к спине прикоснулось что-то очень холодное, почти ледяное. Мелькнула мысль, что я, наверное, уже утонула и лежу на дне и это оно такое холодное, как вдруг дно стало меня быстро поднимать к поверхности.

Очнулась я на берегу от жуткой боли. Болело всё, особенно грудь и горло. Честно сказать, я не особо помню этот момент. Кто-то из взрослых перекинул меня через колено, чтобы вышла вода из желудка и лёгких, а меня выворачивало от рвоты и кашля.

Перепуганный Ванька рассказывал потом, что меня кинулись искать и увидели торчащие из воды ноги – за них и вытащили. Хорошо, что на берегу оказались взрослые, знавшие, что делать. Меня привели в чувство, утёрли слёзы, потому как на меня нахлынул страх и я в голос разревелась, потом одели и велели Ваньке бегом нести меня домой к матери. Тот, понимая, что наказанья не избежать, посадил меня на спину и потащил к дому деда и бабушки. Но там двери по-прежнему были заперты. Тогда Ванька понёс меня в больницу в надежде, что моя мама всё ещё там. Но, она уже ушла несколько минут назад. Пришлось ему тащить меня к нам домой.

Надо сказать, вся эта глупая беготня по деревне здорово меня растрясла. Начало знобить, потом бросило в жар, несколько раз рвало желчью. Но и наш дом оказался пуст. Сил тащить меня у Ваньки уже совсем не осталось. Уложил на кровать и один пустился на поиски моей матери.

А меня уже не на шутку лихорадило. Я лежала в кровати и смотрела на окно, дышать было трудно, сильно болело горло, обожжённое рвотой, и почему-то ныли уши, как будто их заткнули пробками. Я старалась дышать потихоньку, в груди что-то скрипело, как будто мелкие пузырьки лопались. Мне думалось, что речная вода всё-таки попала в лёгкие и булькала там, когда я пыталась вздохнуть полной грудью. Наверное, от

лихорадки в голову приходили странные обрывочные мысли. Я гадала, нашёл Ванька мою маму и скоро ли она придёт. Куда это уехали дед с бабушкой? Ещё думала о Маруське, ведь если бы я всё же утонула, то, скорее всего, осталась жить у речки и бегали бы мы с ней по лугам и вместе весело аукали...

Должно быть, я заснула или потеряла сознание, потому что не услышала, как пришла мама. Она что-то развела в стакане с водой и заставила меня выпить, смирив температуру, покачала головой, а потом взяла и поставила мне болезненный укол. Дышать стало полегче, но жар не спадал. Мама что-то дала выпить мне ещё, и я заснула.

Мне приснился удивительный сон. Снились цветущий луг и крохотные существа, порхающие над травой и цветами. Они весело смеялись, аукали и пели незнакомые мне песенки. Манили меня поиграть с ними, полетать над травой, попрыгать на лёгких волнах реки. А вода, такая ласковая, щекотала стопы прохладными волнами. Я звала Маруську, искала её. Неожиданно поднялся ветер, он подхватил меня и понёс к солнцу, стало невыносимо жарко от его лучей и яркого света. Где же, где моя подруженька с её холодной головой и ледяными усами?

А Маруська сидела в проёме форточки – и как только поместилась там? – и смотрела в мою сторону. Я проснулась от жара и от того, что дышать стало совсем трудно. Яркий лунный свет освещал комнату. За письменным столом крепко спала мама, уронив голову на руки. Мне хотелось позвать её, но не было сил даже пошевелиться. В это время Маруська мягко спрыгнула на стол, только коготками стукнула, осторожно обошла спящую мать и направилась ко мне. Сразу повеяло ледяным холодом, но как же я обрадовалась ему! Мне хотелось протянуть руки и обнять странную кошку, но она ткнулась мордой мне в грудь и глухо заурчала. Её ледяной нос тыкался в мои рёбра, а урчание было сердитым и грозным. Жар ослабел, но в груди словно что-то поднялось, и я зашлась влажным кашлем. Запахло речной водой и тиной. Странное дело: кашляла я довольно громко, а мама не проснулась. Когда кашель успокоился, я нашла в себе силы обнять Маруську рукой, а она растянулась вдоль кровати и веяла на меня своим холодом, урча и мурлыча уже довольно и ласково...

Очнулась я от сильной тряски. Меня подкидывало, и только крепкие мамины руки удерживали моё тело у неё на коленях. Оказалось, мы ехали на стареньком мотоцикле деда в районную больницу. Мама рассказала потом, что она проснулась от громких воплей большой кошки за окном: та сидела на столбике ограды в огороде и орала во всю глотку. И откуда только взялась такая? Мама тут же поспешила ко мне проверить жар. Он уменьшился, но её напугали темные и розовые пятна на подушке, пахнущие тиной. Мама поняла, что вода всё-таки попала в лёгкие и надо срочно везти меня в районную больницу сделать рентген. Пока она бегала к ближайшим соседям, у которых стоял телефон, и звонила в район, у меня снова поднялся жар. На мою беду, все скорые оказались в разъездах. Тогда мама попросила соседа сбегать к родителям, чтобы дедушка на мотоцикле отвёз нас с мамой в районный центр.

Сейчас сотовые телефоны в каждом доме – да что там, у моего маленького сына есть свой мобильник, по которому он умеет звонить своим бабушке и дедушке. А в те времена на всю мою деревню шесть или семь телефонных аппаратов (из них один в больнице, а четыре в конторе) и всего три машины скорой помощи на весь район.

Дед ехал самой короткой дорогой, через степь, вот и подбрасывало нас на ухабах. Несмотря на жар и боль в груди, я иногда открывала глаза и смотрела на выгоревшую

равнину. Солнце только-только поднималось на горизонте, обещая сменить лёгкую прохладу утра на иссушающий зной. Но мне всё равно было жарко и дышалось с натугой. Мама предусмотрительно запеленала меня в мокрые простыни и иногда обливала голову и грудь водой из бутылки. Старый мотоцикл ревел, как трактор, но дед умудрился сказать матери, что они с бабушкой сильно задержались и приехали, когда уже стемнело, вот и решили все дела оставить на следующий день. Кто ж знал, что случится такая беда со мной? Хотя он и не скрывал, что опасался чего-то подобного. Видно, Бог услышал бабушкины молитвы и сберёг меня. Я слушала дедушку и думала, что, если б не Маруся, ещё неизвестно, как бы там с Богом вышло...

В сущности, дальше и рассказывать особо нечего. Не очень-то интересно подробно описывать, как почти месяц пролежала в районной больнице вместе с мамой, а лечили мне крупозную пневмонию, отягощённую плевритом. Я сильно тосковала по деревне и Маруське, мама часами читала мне книжки и рассказывала разные истории. Косу мне всё-таки отрезали. Мешала она во время лечебных процедур, от которых у меня до сих пор, при воспоминании, мурашки по коже бегут. Волосы у меня теперь доставали только до плеч, и мама собирала их в хвост.

После болезни я сильно ослабела. Какое-то время даже ходить могла только по комнатам, передвигаясь вдоль стенки и держась за косяки. Пока мы с мамой лежали в больнице, дед что-то сделал с нашим домом. Когда меня привезли, первое, что я заметила, – все комнаты пахли полыньёю. Она была везде, даже в сарайке висела большими пучками, подвязанными под потолком. Письменный стол переставили в угол комнаты, а форточку крепко заколотили. Исчезли все мои сокровища с подоконника: пропали сучки-лешие, перламутровые ракушки, травяная куколка и камушек. Я от горя расплакалась. Были бы силы – накричала бы и на маму, и на дедушку, а так – сидела на кровати и хлюпала носом. До речки со своими бедами добраться не могла, да и не пустил бы теперь никто после последнего неудачного купания. Они очень постарались, заметая следы, чтобы и намёка на то, что в моей жизни была Маруся, не осталось. Надеялись, что я забуду про неё.

Запах полыни не мешал мне, даже как-то успокаивал, и спалось совсем без снов. Поначалу я всё ждала, что Марусяка придёт, постучит коготками в окно и поманит на улицу снова погулять лунной ночью в парке. Но она не приходила.

Наступила осень, я пошла во второй класс. Слабенькая ещё была, быстро уставала. Вот и заснула однажды за партой на большой перемене. Сплю и вижу во сне, что лечу над лугами к речке, мимо песчаного пляжа, прямо туда, к высокому бережку, где мы с Марусякой в полнолуние сидели. Лечу и вижу: Марусяка моя большой кошкой свернулась клубком и спит внутри взгорка, словно в норе, а подстилкой ей служат округлые камушки. Выпуклые глаза-блюдца плотно закрыты, ледяной нос спрятался в лапах, длинные усы топорщатся и дрожат. И чудился мне тихий шёпот, что моя подруженька спит крепко-крепко и проснётся только следующим летом на зелёной неделе – погреться в лучах луны и побегать взапуски с весёлыми огоньками.

Этот сон меня успокоил. Когда мама перестала встречать меня из школы, я как-то после уроков пошла к речке. Был солнечный день. На скошенных лугах редкими островками стояли стога. Ветерок тихонько волновал воду. Я сразу добралась до высокого бережка и села на взгорок, положив одну руку на тёплую землю.

– Спи, Марусенька, сладких снов! Спасибо за то, что спасла меня... – тихо шептала я, а ветер легонько трепал мои остриженные волосы.

Мой поход к речке не остался незамеченным. Мама ничего не сказала, повздыхала только, отчего мне стало грустно и стыдно. А дед посадил к себе на колени, и между нами состоялся разговор, который я очень хорошо запомнила.

– Внученька, я слышал, ты на речку ходила. И как там? – начал он издали, но я понимала, к чему он клонит.

– Не волнуйся, я больше туда не пойду, – сразу ответила я.

– Что уж так-то? Ходи, если хочется, я сам люблю прогуляться по лугам. Просто одна не ходи. Мы волнуемся за тебя, – объяснил дед и глубоко вздохнул, словно загрустил отчего-то. Потом взял и прямо сказал:

– Ты, должно быть, свою подружку Марусю искала, но она больше не придёт, поверь мне!

– Деда, я знаю. Она спит, – ответила я.

Дедушка разволновался:

– Спит?

– Спит крепко-крепко и не проснётся до следующего лета. На берегу речки её домик, она там живёт большой кошкой, – я рассказывала, не таясь: уж очень мне хотелось поговорить о ней с дедушкой.

– Внученька, ты же понимаешь, что твоя Маруська не простая кошка? Она очень опасна для живого человека, – осторожно пояснял дед и гладил меня по голове, крепко прижимая к себе.

– Я знаю, деда, что она не совсем кошка. Она раньше была девочкой, а когда утонула, стала жить на речке. Только, деда, она не злая, она хорошая, это она меня спасла, когда я тонула, – неожиданно я расплакалась.

– Она тебя спасла? Как же это? – удивлённо спросил дед.

– Меня за ногу дёрнули, я воды наглоталась, дышать не могла, опустилась на дно. А она меня на своей спине подняла. Я это не сразу сообразила, только потом догадалась: вода тёплая, а у Маруськи спина ледяная. А дома она из меня речную воду выгнала. Я так сильно кашляла, очень больно было, а вода-то и вышла, да не вся, видать. Мне врач сказал, что у меня в лёгкие грязная вода попала, вот и болела долго... А Маруська хорошая, она совсем одна на речке, тоскливо ей одной: других таких нету.

После моих слов дедушка поцеловал меня в лоб, вытер слёзы и всё как есть рассказал. О том, что в тот злополучный день, когда я чуть не утонула, они с бабушкой ездили в дальнюю деревню, где, по слухам, бабка живёт, ведунья и знахарка. Они её не сразу нашли, потому и задержались. Знахарка их принимать не хотела из-за бабушки, потому что крещёная она и в Бога верует, а значит, нечего ей у ведуньи во дворе делать. Но дедушка её уговорил впустить и всё рассказал обо мне. Бабка сразу сказала, что со мной кикиморка играет – кикимора значит, только маленькая, ребёнок! Так случается иногда, когда ребёнок или подросток утонет от несчастного случая или по чьей-то вине: после смерти то, что от души остаётся, становится кикиморкой. И не злые они, и не добрые – игривые. Играть очень любят. А ещё знахарка сказала, что плохие родители у меня и плохие бабка и дед, раз меня кикиморка в подружки прииграла. Кикиморки эти одиноких и обиженных детей выбирают. Чтобы, если получится, за собой увести.

– Мы очень испугались, внученька, что она тебя уведёт от нас, – горестно вздохнул дед. – Знахарка велела нам больше внимания тебе уделять, играть с тобой, вместе

заниматься хозяйством, и тогда кикиморка сама отстанет. Но твоя бабушка пристала: отвадь, говорит, кикимору от нас да отвадь. Ну, что ты с ней поделаешь...

Бабка-ведунья научила их заговорить кикиморку на долгий сон, а дом велела помыть и полынью завесить, чтоб ходу кикиморке не было. А ещё велела, чтоб кошка домашняя всегда при мне находилась – для охраны.

– Ты прости нас, внученька, мы же ей ничего плохо не сделали. Она будет спать, только и всего. Постарайся найти себе подружку среди живых...

Я, конечно, после этого разговора погоревала немножко. Думала: заговор не заговор, а Маруська проснётся будущим летом, и мы снова поиграем вместе. Откуда мне было знать тогда, что этот заговор на долгий сон десять лет продлится? Дед мне об этом сказать не смог. Повела бабушка, что только через десять лет проснётся речная кикиморка и выйдет на лунный свет. Я к тому времени как раз повзрослею, а к взрослым они не пристают. Не любят они взрослых.

Честно сказать, я до конца в это не верила. Ну, не может быть такого, чтобы моя Маруська ко мне не вернулась! «Да я сама пойду и разбужу её!» – так думалось мне. А жизнь шла своим чередом. Когда я лежала в районной больнице и мама ухаживала за мной, она показала себя ответственной медсестрой, и ей предложили работу, даже предоставили квартиру. Так что едва мы справили новогодние праздники – переехали в районный центр. Бабушка напутствовала нас словами:

– От греха подальше!

Первое время на новом месте и в школе среди незнакомых ребят я очень скучала по деревне. Хоть и тяжело быть единственной помощницей матери, хозяйством заниматься мне нравилось. Маленькой девочкой я очень любила и нашу корову, и глупых назойливых куриц, и обширный огород. После снежной зимы мне даже захотелось устроить под окнами пятиэтажки, в которой мы теперь жили, две грядки – с морковкой и редиской. Глупости, конечно. Мама велела мне не смешить соседей, а если хочется копать в земле, вон клумбы с цветами, можно их пропалывать и поливать. Смешно вспомнить, я тогда похозяйски рассудила: ну, на что мне цветы? Их в тарелку не нарежешь, салат не сделаешь, в рот не положишь. А в деревню меня долго не возили – дед с бабой сами приезжали. Так потихоньку память о событиях того жаркого лета подёрнулась туманом. Через десять лет я уехала в город поступать в институт. О Маруське вспоминала украдкой как о сладком и одновременно болезненном сне...

Сейчас я живу в городе, у меня подрастает сын. Жизнь похожа на колесо, неустанно вращающееся без перерывов и отдыха. В этой круговерти редко вспоминаются странные истории, произошедшие в детстве. Разве что сыну рассказать как сказку, о том, что его мама бегала когда-то по заливным лугам, играя в догонялки с озорными духами земли.

Но иногда, жаркими летними ночами на зелёной неделе, я просыпаюсь от холодка, словно ледяная струя пробегает по спине. Подымаюсь и подхожу к окну, и если на небе полная луна – долго-долго смотрю на неё. А утром, проснувшись, обнаруживаю, что волосы на моей голове тщательно причёсаны и уложены, прядка к прядке, волосок к волоску...